

9. *Корольков А.А.* Философия права как компонент русской культуры // Философия права. 2000. № 1. С. 57.
10. *Ильин И.А.* О русской идее // Собр. соч. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 420–422.
11. *Успенский Б.А.* Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших ритуалов. М., 2000. С. 39.
12. Человек между Царством и империей: Материалы междунар. конф. Москва. 14–15.11.2002. М., 2003. С. 81–82.
13. *Верещагин В.Ю., Понежгин М.Ю.* Философско-правовой анализ монархической концепции государственности Л.А. Тихомирова // Философия права. 2000. №1. С. 23.
14. *Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1993. С. 33–34.
15. *Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры. М., 1998. С. 177.

Ростовский государственный университет

22 марта 2006 г.

© 2006 г. *Е.Л. Абаимова*

ЗНАЧЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА В КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА

Окружающий человека мир преломляется в его сознании через призму культуры, модифицированную на основе индивидуальных восприятий личности. При этом мир воспринимается не пассивно, а определяется системой воззрений, верований, культурных традиций, нравственных ценностей, убеждений, предрассудков и стереотипов.

Ментальность как самостоятельный феномен следует отличать от общественных настроений, ценностных ориентаций и идеологии. Она выражает привычки, пристрастия, коллективные эмоциональные шаблоны.

Термин «менталитет» ведет свое происхождение от латинского слова *mens, mentis*, т.е. ум, мышление, рассудок, образ мыслей и т.д. – всего более девяти значений. Уже в этой многозначности латинского слова изначально заложена возможность самого широкого его толкования и применения. Он активно употребляется в большинстве европейских языков и повсюду звучит примерно одинаково. Так, во французском языке *mentalite* – это направление мыслей, умонастроение, направленность ума, склад ума. В английском *mentality* – это ум, интеллект, склад ума, умонастроение. В немецком *die Mentalität* – это склад ума, образ мышления и т.д.

Из разговорного языка термин пришел в науку. Его начали использовать этнология, психология, антропология. Важную роль в понятийной разработке нужно отвести французской школе «Анналов». Фактически именно французским ученым М. Блоку и Л. Февру принадлежит заслуга введения этой категории в научный обиход. Они повернули историческую науку от исследования объективных социально-экономических отношений к анализу структур духовной жизни, к поиску фундаментальных ус-

тойчивых структур сознания. Представители школы «Анналов» разрабатывали ее в рамках антропологических исследований и во многом способствовали тому, что та приобрела статус общенаучной. Термин обнаружил большой исследовательский потенциал, им заинтересовались представители большинства социальных и гуманитарных наук, среди которых следует выделить лингвистику, культурологию, этнографию, социологию и политологию.

Несмотря на большой интерес к категории «менталитет», по-прежнему присутствует громадная неопределенность и большое разночтение в том, что понимается под ментальностью. В трудах тех, кто попытался предложить свое определение, очень заметны дисциплинарные особенности сформулированных дефиниций.

Отметим, что для зарубежных ученых менталитет – это своеобразные установки сознания, неясные, невербальные его структуры. Он включает в себя основные («базовые») представления о человеке, его месте в природе и обществе, его понимание природы и Бога как творца всего сущего. При этом все эти представления не подвергнуты логической систематизации, они связаны не столько с сознанием, сколько с подсознанием, регулирующим, однако, поведение человека. При помощи мышления, сознания человек познает мир, а менталитет – это форма, организующая восприятие, истолкование мира, а не его познание. Человек, познавая мир, создает систему логических категорий и понятий – это и есть мышление, познание. Создавая «модель мира», истолковывая этот мир, воспринимая его суть, человек использует «неотрефлексированные» впечатления, представления, образы – это и есть менталитет. Менталитет – это манера мышления, его склад, его особенности, его своеобразие. Это эмоциональные и ценностные ориентации, коллективная психология, образ мышления и человека, и коллектива [1].

Отечественный исследователь А.Я. Гуревич посвятил ряд работ изучению средневековой ментальности. Он поставил в центр собственного культурологического анализа категорию личности. Все особенности исторической ментальности – восприятие времени и пространства, отношение к природе и сверхъестественному, понимание возрастов человеческой жизни, трудовая мораль и отношение к богатству и бедности, право, мир эмоций – все это различные обнаружения человеческой личности. Без ее истолкования нельзя подойти к проблеме ментальности [2].

Другое содержание ментальности определяет И.Г. Дубов: оно «заключается в когнитивной сфере и определяется, прежде всего, теми знаниями, которыми владеет изучаемая общность. Совместно с верованиями знания составляют представления об окружающем мире, которые являются базой менталитета, задавая в купе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, характеризующую данную общность» [3]. Здесь на первое место автор ставит знания и потребности изучаемой общности, а также архетипы. В каждой

культуре доминируют свои архетипы, которыми во многом вызываются особенности мировоззрения, характера, художественного творчества и исторической судьбы нации.

В материалах «круглого стола», проведенного журналом «Вопросы философии» в 1993 г., на котором речь шла о «российской ментальности», И.К. Пантин так определил понятие менталитет: «Это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся „коду“ в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические». А.П. Огурцов указывает на ряд трудностей в самой постановке вопроса о ментальности и в ее изучении: «Какова природа ментальных структур и в чем их исток: в социокультурном бытии личности или в ее этнонациональной стихии?»

А.П. Огурцов подчеркивает, что «все формы поведения личности должны быть рассмотрены как производные от тех инвариантных образов и представлений, с помощью которых индивиды осмысливают мир и свое место в нем. Ведь структуры ментальности обладают и большей исторической длительностью, и большей устойчивостью относительно изменений общественно-политической жизни. Менталитет потому и менталитет, что он определяет и опыт, и поведение индивида и социальных групп. Анализ такого рода априорных структур сознания, инвариантных слоев в жизневосприятии и сознании человека предполагает, что именно эти „глубинные“ слои определяют и рефлексивные акты, и осознанное поведение».

Далее автор выделяет такие спорные вопросы в понимании менталитета, как границы этого феномена, отождествление априорных структур сознания с этнонациональными особенностями сознания и поведения личности, и различение ментальности широких масс и элиты.

В заключение круглого стола А.П. Огурцов подчеркнул, что анализ априорных структур сознания, выявление глубинных слоев, выражающихся в многообразных установках личности, представляет собой важное поле деятельности [4].

В ряде работ по менталитету не проводится различий между менталитетом и ментальностью. «Ментальность или менталитет – это общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-нибудь сообщества» [5].

Другие указывают на их различие: «В отличие от менталитета под ментальностью следует понимать частичное, аспектное проявление менталитета не столько в умонастроении субъекта, сколько в его деятельности, связанной или вытекающей из менталитета» [6].

Л.Н. Пушкарев отмечает, что термин «ментальность» вначале применялся главным образом в психологии, физиологии и философии в следующем значении: способность психики индивида хранить в себе те или иные данные либо структуры, характеристики и т.д., определяющие при-

надлежность данного индивида к определенному социуму или к тому, либо другому времени. Чуть позже и историки начали рассматривать ментальность как своеобразную личностную либо социальную память человека или коллектива, свойственную только ему и характеризующую только его и тот круг, слой, сословие, народ, к которому он принадлежит. Следовательно, различие в употреблении терминов «менталитет» и «ментальность» в том, что менталитет имеет всеобщее, общечеловеческое значение, в то же время ментальность может относиться к самым различным социальным слоям и историческим временам. «Ментальность» – это признак мыслящего человека, характерный для данного лица (коллектива) в данное время [1].

Некоторые авторы идентифицируют понятие «менталитет» с понятием «национальный характер». Другие, напротив, выявляют различия: «Отличие менталитета от национального характера в том, что последний, являясь составной частью ментальности, включает общие психофизические черты жизнедеятельности (определяемые принятой нацией системой ценностей). Понятие „менталитет” по содержанию гораздо шире, чем понятие „национальный характер”» [7].

Отличие ментальности от других понятий четко показал П.С. Гуревич: «Ментальность как самостоятельный феномен следует отличать от общественных настроений, ценностных ориентаций и идеологии. Она выражает привычки, пристрастия, коллективные эмоциональные шаблоны. Общественные настроения переменчивы, зыбки, ментальность же отличается более устойчивым характером. Она включает в себя ценностные ориентации, но не исчерпывается ими, поскольку характеризует собой глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания. Ментальность, как и идеология, мотивирует образ действий, однако далеко не всегда предлагает отчетливые схемы поведения. Идеология как совокупность форм мышления и ценностных представлений более аналитична, нежели ментальность, которая в большей степени опирается на стихийные, полусознанные схемы поведения. На характер ментальности оказывают воздействие традиция, культура, социальные структуры, бессознательное, вся среда обитания» [8].

Сопоставляя термин «менталитет» в работах француза М. Блока с дефиницией в русском языке, А.Я. Гуревич писал: «Этим емким и непереводаемым однозначно на русский язык словом они обозначают то „умонастроение”, то „умственные способности”, то „психологию” и „склад ума”, а может быть, и весь тот комплекс представлений о мире, при посредстве которых человеческое сознание в каждую данную эпоху перерабатывает в упорядоченную „картину мира” хаотичный и разнородный поток восприятий и впечатлений, в таком случае французское слово „*mentalite*” по смыслу приближается к русскому „мировидение”».

Л.Н. Пушкарев считает, что более подходящим по смыслу к термину «менталитет» будет давно уже используемый в нашей литературе тер-

мин «духовный мир». Конечно, термин «духовный мир» – это не перевод и не замена слова «менталитет» на русский язык. Это близкое, но опять-таки не равнозначное понятие. И прежде всего, духовный мир – это своеобразный итог, результат духовной деятельности человека. Менталитет же – это постоянно действующее активное начало в его деятельности, но и нередко определяющий поведение человека и его отношение к окружающему миру [1].

На основе рассмотренных дефиниций понятия «менталитет» можно выделить несколько основных, на наш взгляд, подходов – психологический, культурологический, антропологический, философский, лингвистический, социологический.

Проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в лингвистике. Первые попытки решения этой проблемы усматриваются в трудах В. Гумбольдта, основные положения концепции которого можно свести к следующему: материальная и духовная культура воплощаются в языке; всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма; внутренняя форма языка – это выражение «народного духа», его культуры; язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром. Концепция В. Гумбольдта получила своеобразную интерпретацию в работе А.А. Потебни «Мысль и язык», в работах Ш. Балли, Ж. Вандриеза, И.А. Бодуэна де Куртэне, Р.О. Якобсона и др.

Картина, которую являет собой соотношение языка и культуры, чрезвычайно сложна и многоаспектна. К сегодняшнему дню в решении этой проблемы наметилось несколько подходов.

Первый подход разрабатывался в основном отечественными философами – С.А. Атановским, Г.А. Брутяном, Е.И. Кукушкиным, Э.С. Маркарянном. Суть этого подхода в следующем: взаимосвязь языка и культуры оказывается движением в одну сторону, поскольку язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык – простое отражение культуры.

Изменяется действительность, меняются и культурно-национальные стереотипы, изменяется и сам язык.

Таким образом, если воздействие культуры на язык вполне очевидно, то вопрос об обратном воздействии языка на культуру остается пока открытым. Он составляет сущность второго подхода к проблеме соотношения языка и культуры.

В рамках второго подхода исследовали эту проблему школа Э. Сепира и Б. Уорфа, различные школы неогумбольдтианцев, разработавшие так называемую гипотезу лингвистической относительности.

В основе этой гипотезы лежит убеждение, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка. Для ее сторонников ре-

альный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Но если каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинами мира».

Основные положения гипотезы Сепира – Уорфа сводятся к тому, что язык обуславливает способ мышления говорящего на нем народа и что способ познания реального мира зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты.

«Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [9].

Данная гипотеза получила поддержку и дальнейшую разработку в трудах Л. Вейсгербера, в его концепции языка как «промежуточного мира», стоящего между объективной действительностью и сознанием.

В работах некоторых авторов гипотеза лингвистической относительности получила современное актуальное звучание. Прежде всего – в работах Д. Олфорда, Дж. Кэрролла, Д. Хаймса и др., в которых концепция Сепира–Уорфа существенным образом дополнена. Так, Д. Хаймс ввел еще один принцип функциональной относительности языков, согласно которому между языками существует различие в характере их коммуникативных функций.

Однако существует ряд работ, в которых гипотеза лингвистической относительности подвергается резкой критике. Отрицательную оценку гипотезе Сепира–Уорфа дают Б.А. Серебренников, Д. Додд, Г.В. Колшанский, Р.М. Уайт, Р.М. Фрумкина, Э. Холленштейн.

Таким образом, гипотеза лингвистической относительности оценивается современными учеными далеко не однозначно. Тем не менее к ней обращаются все исследователи, занимающиеся проблемой взаимоотношения языка и культуры, языка и мышления, так как именно с помощью данной гипотезы могут быть осмыслены такие факты языка, которые трудно объяснить каким-либо другим способом.

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой языковую картину мира.

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Итак, язык – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности.

В целом же исследование ментальностей, социально-психологических установок общества и образующих его групп, слоев, классов представляет собой задачу первостепенной важности для гуманитарного знания. Здесь нащупывается богатейший пласт коллективных представлений, верований, имплицитных ценностей, традиций, практических действий и моделей поведения, на котором вырастают и над которым надстраиваются все рациональные, осмысленные идеологические системы. Без учета этого слоя общественного сознания нельзя понять ни содержания и реального воздействия идей на человеческие умы, ни поведения людей, группового или индивидуального.

Литература

1. *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет? // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–165.
2. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1992.
3. *Дубов И.Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. №5. С. 20–29.
4. Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 25–53.
5. *Культурология: XX век: Энциклопедия.* Т. 1, 2. Сост. С.Я. Левит. СПб., 1998.
6. *Лесная Л.В.* Менталитет и ментальные основания общественной жизни. // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 1. С. 133–146.
7. *Моисеева Н.А., Сороковикова В.И.* Менталитет и национальный характер // Социс. 2003. № 2. С. 45–54.
8. *Гуревич П.С.* Культурология: Учеб. пособие: . 2-е изд. М., 1998. С. 247.
9. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 174.

Железноводский филиал

Ростовской государственной академии архитектуры и искусства

20 марта 2006 г.